

Ирина КОЛБИНА

ДЕВОЧКА-СМЕРТЬ

Рассказ

Обычный класс, обычные подростки занимаются своими делами, смеются на переменах, учатся на уроках или делают вид, но всё же они живут какой-то своей особой жизнью. И только девочка, сидящая за последней партой в одиночестве, брошена всеми, о ней словно позабыли в один прекрасный момент, и с этим никто и ничего не смог сделать. Вокруг неё была другая атмосфера, чуждая им, и стало проще оставить ставшего в одночасье чужим человека. Вот и сейчас среди общего шума и веселья рядом с окном сидит маленькая фигурка, отгороженная от всех, для которой весь свет строится из градации от чёрного к белому цвету. Для других она словно окружена вязкой атмосферой.

Всё началось с того, что сначала окружающие не смогли смотреть ей в глаза, а потом и шарахаться стали. Её это тоже пугало, но, в чём же проблема, так понять и не смогла... но сегодня... всего лишь хотела помочь бабушке в магазине, так та осенила себя крестом, побледнела и начала что-то говорить о смерти, отпрянула от неё... Может, она с ума сходит?

Так и просидев, смотря в окно все уроки, поплелась домой...

– Папа, скажи, кто была моя мама? – уже не в первый раз она спрашивала и всегда видела одно и то же выражение лица.

– Она была замечательной женщиной, – нехотя ответил он

– И всё?

– Всё... – он словно хотел что-то сказать, но раздался телефонный звонок, который освободил его от дальнейших расспросов.

– Меня на работу вызывают, – слышалось из прихожей, затем раздался щелчок замка и удаляющиеся шаги.

Доев в одиночестве, убрала за собой и ещё долго сидела на кровати, смотрела на дождь за окном. Она плакала, обхватив плечи руками,

словно ничего не замечала вокруг. Существовал только один вопрос, на который не было ответа: «Что в ней не так?».

Сегодня выдалось пасмурное утро, и отца не было дома. Она всегда знала, дома он или нет, даже если он спал или просто не шумел, занимаясь своими делами. Тихо, тихо...

Сколько раз, когда она входила в ванну, смотрела то на бритву, то открывала шкаф над раковиной, рассматривая разноцветные коробочки и баночки с таблетками...

– Девочка моя, что ты натворила! – откуда-то издалека слышался испуганный голос отца.

Глаза её были открыты, но не видели ничего, она лишь чувствовала, что не одна.

Голоса... кто-то разговаривает... это голос отца и ещё кого-то незнакомого...

– С вашей девочкой всё будет хорошо, – говорил один голос. – Успокойтесь, она быстро поправится, если судить по анализам. Это даже удивительно, если учесть, сколько она потеряла крови и наглоталась таблеток... – последовала пауза. – И это мне кажется странным... Я дам номер одного врача, он как раз работает с подростками. По старой дружбе я не буду никуда сообщать и заносить всё в карточку. Но это только сейчас, если повторится, мне придётся сообщить куда следует.

Дальше последовал невнятный ответ, раздались шаги, наступила тишина.

Через пару секунд её глаза привыкли к свету. Оценив обстановку, села на кровать, посмотрела на перебинтованные запястья. «Интересно, как выглядят шрамы... вроде швы накладывали... Не может быть, раны почти затянулись, и это за несколько часов?»

Так она и сидела, ошарашенно смотря на затянувшиеся раны.

Выписалась через пару дней. Анализы ничего не дали, а расспросы не привели ни к каким результатам, сама она ничего не понимала, а отец упорно молчал.

Уже дома он вздохнул с облегчением. Она не лезла с расспросами, но порой, проснувшись ночью, слышала, как он ходит по комнате, что-то бормочет, курит на балконе. Опять курит, а ведь уже столько лет не курил.

Был выходной, вставать не хотелось, с горем пополам заставила себя сесть на кровати и, на-

верное, с полчаса просто сидела и смотрела в окно...

– Ты уже не спишь? – спросил отец, входя в комнату.

Выглядел он слегка растерянно и словно подбирал слова, пытаясь что-то сказать.

– Знаешь, я тут подумал, – нервничал слегка и, как она сразу не обратила внимание, в руках он крутил книгу, – в общем, вот возьми и прочти, может, ты сможешь понять, ну или я постараюсь тебе потом объяснить как-то.

Она даже не успела ничего сказать, как его уже не было в комнате, а книга лежала на кровати.

Книга выглядела как старинная: в кожаном переплёте, инкрустированная камнями, даже имелся замок.

Довольно занимательная книга, на её взгляд, про религиозное мировоззрение мексиканцев и других народов, поклоняющихся Святой Смерти – «леди-скелету».

– Пф-ф, обычный хэллоуин, – отодвинув от себя книгу, произнесла она. – Даже празднуется в тот же день и теми же обрядами.

Книга благополучно осталась забыта на несколько часов, пока девочка делала уроки, до того, как отец вошёл в спальню, облокотившись о шкаф, и стал с глуповатой улыбкой наблюдать за ней.

– Что? – слегка удивлённо спросила она.

– Да ничего, – помолчав, – ты прочла?

– Да бред полный, я ж как-то говорила, что я атеист и не верю в это всё, – уткнувшись вновь в учебник, ответила она.

– Ну атеисты тоже верят, только во что-то своё. Хотя я не удивлён такому ответу. Пойдём чаю попьём? – произнёс он, отбирая учебник. – И никаких! Ты и так долго тут сидишь.

Несмотря поднявшись, пошла за отцом, вернее, он держал её за руку, пока вёл до кухни.

– Ты какой-то странный сегодня, – наблюдая за отцом, сказала она, сидя за столом и вертя в руках ложечку.

– Есть повод, – просто ответил он. – Ты что будешь, кофе или чай? – посмотрев на неё, спросил он.

– Да, давай кофе, – ответила девочка, откинувшись на спинку стула.

Разговор не клеился. Она понимала, отец что-то хочет спросить или сказать, но не решается.

– Пап, ты сказал, что расскажешь что-то? – спросила она, глядя в кружку.

– Ну да, – медленно ответил он. Словно задумавшись, тяжело выдохнул: – Помнишь, я рассказывал, ну, вернее, ты знаешь, что я когда-то в молодости любил путешествовать и учился на историческом, – как-то растерянно начал он.

– Ну-у-у да, – протянула она, – у нас же фотографий куча с тех времён, ты мне их постоянно показывал.

– Так вот, но я никогда не говорил, почему я так рьяно стал в один момент путешествовать и получать от жизни, так сказать, всё?

– Молодой был, наверное? – непонимающе посмотрела на отца она.

– Я болен тогда был сильно, сулили пару лет жизни всего, так я и решил, чего терять, сделаю то, о чём всегда мечтал, да и профессор, узнав об этом, помог... Хороший был дядька, – улыбнувшись, замолчал отец.

– Почему ты не говорил об этом никогда? – глядя на него, тихо спросила она.

– Да давно это было. Ну так вот, через знакомых нашёл группу, которая ехала на раскопки за границу. Представь в те-то времена такое? – не дождавшись ответа или вопроса, продолжил: – Ну, и попали мы в Мексику. Интересная страна со своеобразной культурой. Ты будешь ещё? – неожиданно спросил он, показывая на кружку.

– Да, наверное.

«Странно, – пронеслось в её голове, всё-таки многого она, наверное, не знает. – А может, он и о маме расскажет». Тихо, ненавязчиво девочка произнесла:

– А мама, она хорошая была?

– Она была замечательная, – не оборачиваясь, ответил он, – лучше всех.

– Скажи, а она любила меня?

– Очень.

– Но почему она бросила нас?

– Так получилось, – не дав продолжить, протянул ей кружку с горячим кофе. – Держи. И я всё расскажу тебе, почему так, а не иначе получилось, только пообещай мне не смеяться или сомневаться в правдивости слов, прими всё как должное.

– Ладно, – ответила она, странно посмотрев на отца.

– Ну так вот, – вновь начал он, – попали мы туда аккуратно под их национальный праздник, посвящённый памяти усопших. Проводится он первого и второго ноября, это как мексиканский хэллоуин, – улыбнувшись, добавил он. – В эти дни делают черепа из сахара или то, что любили их

родственники при жизни. Ну и также делались фигурки женских одетых скелетов...

– Так этот скелет, что стоит на полке, откуда? – перебив его, спросила она. – Просто я никогда не интересовалась – стоит да стоит.

– Да, оттуда, и ещё много чего...

– Извини, пап, я знаю, как тебе нравится эта страна, продолжай.

– Ну вот, поселились мы в мотеле, сначала решили побыть пару дней в городе, посмотреть праздник да и просто погулять, оглядеться – мы ж нигде, кроме своего города, не были. Ну и пошли погулять-посмотреть достопримечательности. Я как-то отвлёкся, отстал от группы, хоть городишко и небольшой, а всё равно сделалось неуютно, и постарался вернуться в мотель. Мне тогда показалось, что эта бабка появилась словно из-под земли, хорошо, что я немного понимал на тот момент испанский и местные диалекты. Стало ещё более жутко после её слов: «Жить будешь долго, но костлявая придёт к тебе не единожды». Хоть меня и уверяли потом старожилы, что она чокнутая, но всё же было жутко.

– Может, она и правда того была, – покрутив возле виска, сказала девочка.

– Ну не скажи, теперь-то я точно знаю, что не сумасшедшая она была, – как-то странно произнёс он. – После, конечно, как-то я отвлёкся, подзабыл бабку и до праздника не вспоминал её слов, – замолчав, он посмотрел в окно, где уже стемнело, тяжело вздохнул и продолжил: – Увидел я девушку, красивую девушку, но выглядела она даже для такого празднования странно, слишком светлая кожа была, хоть и темнее моей. Махнула мне рукой, ну и меня словно что-то потянуло за ней. Вышел из толпы, казалось, что шёл за ней, и довольно быстро, но она всё была где-то впереди – оборачивалась, улыбалась. Какое было моё удивление, когда мы вышли к мотелю, в котором я остановился, даже и не понял как. Вошли в номер, протянула ко мне она руки, словно озноб прошиб тогда, взгляд оторвать не могу от её глаз, которые глядят на меня из глазниц черепа, руки сначала были белые, холодные, а как прикоснулась, так ощутил, словно гладкие кости. В голове пронеслось: «Неужто пора уже? Не хочу умирать, жить хочу». Не знаю, как отшатнулся от неё, и шепчу: «Хочу жить». Хмыкнула она и растворилась в воздухе.

– Может, ты перепил? Извини, конечно, но такого не бывает.

– Не бывает такого, говоришь? А как же то, что я жив до сих пор и как-то моя болезнь рассосалась, словно не было её?

– Не знаю... Организм – сложный механизм, да и наверняка диагноз был неправильно поставлен, – твёрдо ответила девочка.

– Ну так слушай. На следующий день проснулся, думал, кошмар, да за разговорами благополучно забыл. Но вот ночью ко мне в номер постучались. Представь моё удивление – та самая девушка. Я дар речи потерял, стою смотрю, не знаю, что делать, аж пот прошиб, а она улыбнулась, вошла в номер, дверь закрыла, взяла меня за руку, в глаза посмотрела и говорит: «Ты очень сильно жить хочешь?» Ну а кто ж не хочет, особенно, если мотлод? Ну я и ответил, что сильно. «Тогда сделай то, что я хочу», – говорит. «И что я должен сделать?» Я был в шоке от того, что она мне сказала.

– И что же?.. – на выдохе спросила она.

– Ребёнка хочу.

– В смысле? – округлила глаза девочка.

– В прямом. «Будешь жить до старости, но год проведёшь со мной, родится ребёнок, а по достижении семнадцати лет я его заберу».

Тут в голове девочки словно что-то щёлкнуло, ей через несколько дней аккуратно в День Всех Святых исполнится семнадцать.

– Ты бредишь? Ты меня убить, что ли, хочешь? – с нервным смешком спросила она.

– Да нет же, – как-то тяжело ответил отец, – с матерью познакомишься, – отхлебнув из кружки уже остывший чай, добавил: – Заберет она тебя с собой.

– Не, ты, пап, конечно, шутник! – фыркнув, встала она из-за стола.

– Подожди, – уже в дверях окликнул он девочку, – возьми, – протянул конверт.

Нехотя вернувшись, забрала конверт и вышла. Уже в комнате, сидя на подоконнике, после нескольких тяжёлых минут раздумий вскрыла, извлекая на свет старую потёртую фотографию девушки, очень похожей на неё саму, только, может быть, разрез глаз другой и ещё какие-то мелочи. Но как велико сходство. На обратной стороне фотографии была надпись: «Моему избранному» и дата.

– Эй, вставай, – сквозь сон услышала она голос отца, – она скоро придёт.

– Кто она, папа? Ради бога, дай поспать! – сонно пролепетала девочка, укрываясь с головой одеялом и переворачиваясь на другой бок.

– Мама твоя. Я тебе вчера говорил. Ну хорошо, ты давай поднимайся, а я пойду делами займусь.

Нехотя выбравшись из-под одеяла, села, спустила ноги с кровати. Словно во сне двигалась по комнате, одевалась, собирала раскиданные с вечера вещи, заправила кровать. Почти так же направилась в ванную, из зеркала на неё смотрело заспанное, растерянное существо, которое поставили перед фактом, что спустя столько лет её заберёт к себе неизвестная женщина. И зачем? И так нормально жилось.

– И когда она придёт? – спросила она, уже сидя за столом на кухне и наблюдая, как папа что-то готовит.

– Скоро, – не оборачиваясь, тусклым голосом ответил он.

– Слушай, а почему ты больше не женился ни на ком? – неожиданно для себя спросила она.

– Ну-у-у-у знаешь, не всё так просто, – как-то мямля, начал отец, хотя такого она за ним никогда не замечала. – В общем... – И, как назло, кто-то позвонил в дверь. – Открой, пожалуйста, – вздохнув с облегчением, попросил он.

Каково было удивление, когда, открыв дверь, она увидела ту самую девушку с фотографии, только одетую в современную одежду. Девушка улыбнулась, слегка наклонив голову, так же, как делала и она сама.

– А вы к кому?

«Ничего глупее не смогла спросить», – пронеслось в голове.

– К тебе, Машенька, – мелодичным голосом ответила гостья и, не дождавшись ответа, прошла в квартиру. – Где твой отец?

– На... на кухне, – сиплым голосом произнесла девочка.

Ничего не ответив, вошедшая коснулась её щеки. И в тот самый момент в голове девочки пронеслось: «Словно сама смерть прикоснулась». Будто прочитав мысли, гостья улыбнулась и, не оборачиваясь, прошла на кухню.

Руки тряслись от непонятого холода, накатившего на неё, и какого-то всепоглощающего страха. В висках только и стучала одна мысль: «Смерть!».

– Дорогая, – неожиданно послышался голос отца, – подойди, пожалуйста.

На негнущихся ватных ногах, боясь непонятно чего, вошла на кухню, где за столом, понутив голову, сидел печальный отец и девушка с фотографии с бесстрастным лицом.

– Мне нужно поговорить с тобой, – пристально посмотрев на неё, с ходу произнесла гостья.

– О чём? – спросила девушка, глядя на отца, пытаясь найти поддержку в его лице, но он так и продолжал смотреть на крышку стола. – Хорошо.

– Тогда давай выйдем и оставим твоего отца с его мыслями, – вставая, произнесла девушка с фотографии.

Тихо тикали часы на стене, в кухне сидел мужчина, неотрывно смотря перед собой. За стенами была слышна жизнь, кто-то разговаривал, наверху, похоже, пробежал ребёнок, что-то уронили. Но в этой квартире была тишина. Даже из комнаты не доносилось ни звука. Наконец дверь открылась, оттуда вышла мать и за ней дочь с осунувшимся и потерянным лицом. Он поднял на них взгляд и пристально посмотрел.

– Всё хорошо, – с той же улыбкой ответила мать.

– Когда? – отрешённо спросил он.

– В День Всех Душ, а сейчас, наверное, я вас оставлю.

– А как же папа? – воскликнула девушка.

– С ним всё будет хорошо, будет жить долго и счастливо, часть своей сделки он совершил, – ответила она, развернувшись, ушла.

– Папа! – воскликнула девочка, бросившись к нему, обняла и заплакала. – Я ж во всё это не верю, и я не хочу никуда уходить, – сдавленно говорила она.

– Ты не веришь во всё это, потому что ты часть этого. Всё хорошо будет, – в ответ крепко обнял он девочку.

На душе было холодно и гадко. Но такова жизнь. В молодости он даже не задумывался, как будет потом, но теперь ему хотелось всё вернуть и отказаться от сделки.

– Но как же так? – словно саму себя спросила девушка.

Дни, что ей оставалось провести в этом мире, окрасились в тёмный цвет. Было тоскливо, печально. Все чувства словно захлестнули девочку. Ещё хуже ей было от того, что отец останется один. Сегодня в полночь она должна будет выйти на улицу и дожидаться ту, которая звалась матерью.

Полночь, когда заканчивается один праздник и начинается другой. В спальне, где спал мужчина, появились две фигуры в тёмных одеждах. Мужчина встрепенулся, открыл глаза, припод-

73

нялся, посмотрел на них, но не мог произнести ни слова.

– Папа, прощай, – тихо произнесла одна из фигур, – у тебя всё будет хорошо. Не печалься, – но в голосе слышались тоска и слёзы.

– Не плачь, – сдавленно ответил он, – не переживай за меня, – постарался улыбнуться он.

– Пап, ты не удивляйся тому, что преподнесёт тебе судьба, хорошо?

– Хорошо, – механически ответил он.

– Ну всё, нам пора, – услышался голос молчащей до этого фигуры.

И вот они стояли перед глазами, а через секунду их уже не было. «Сейчас в Мексике праздник», – подумал мужчина, а из глаз текли слезы.

Спустя много-много лет он, уже в преклонном возрасте, писал эту историю в своём дневнике, от которого его постоянно отвлекали внуки и где-то в доме ругалась на них его жена...

– Интересно, как ты там, доченька? – спросил он у пустоты, которая, как оказалась, слышала эти слова.